

О.Д. Журавель

Институт истории СО РАН, Новосибирск

**«Остроумие есть изящность естества ума»:
к вопросу о барокко выговских старообрядцев***

Аннотация: Статья посвящена проблемам восприятия барокко в литературной культуре старообрядцев XVIII столетия. Анализируется специфическая интерпретация основного понятия поэтики барокко, «остроумия» (acumen), в рукописной риторике Софрония Лихуда и в старообрядческих риториках. Изучается роль концепции остроумия в жанре проповеди, который занимает центральное место в литературной культуре выговских старообрядцев.

The paper deals with the problems of the Baroque Reception in the Old-Believers Literary Culture of the 18th century. The author analyzes the specific interpretation of a basic concept of Baroque poetics, «ostroumije» (acumen), in hand-written Rhetoric of Sofrony Lichud and in old-believers rhetorics. The role of these concept in a sermon genre which took the central place in Vyg Old-Believers Literary Culture is studied.

Ключевые слова: риторика, барокко, остроумие, проповедь, старообрядцы. Rhetoric, baroque, ostroumije, sermon, Old-Believers.

УДК: 821.161.1+930.85.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИИ СО РАН, сектор археографии и источниковедения. Тел. (383) 3303671. E-mail: istochnik@histiry.nsc.ru.

Литературная школа выговских старообрядцев, созданная в начале XVIII в., занимает особое место в истории русской литературы. До недавнего времени богатейшее рукописное наследие выговских старообрядцев, широко распространенное в народно-религиозной среде на протяжении XVIII–XX вв., было практически не опубликовано и весьма мало изучено. Значительный прорыв сделан в работах исследователей последних десятилетий [Понырко, 1979, 1981, 1994; Юхименко, 2002, 2008; Гурьянова, 2007], однако многие вопросы, касающиеся литературной культуры старообрядцев второго поколения, остаются нерешенными. Среди них – проблема соотношения традиционных элементов и новаций в творчестве выговских авторов.

Сохраняя верность древнерусским духовным традициям и идейно-догматическим установкам ранних расколоучителей, выговцы оказались достаточно восприимчивы по отношению к современным им общерусским и европейским культурным веяниям. В первую очередь это проявилось в освоении эстетических установок широко распространенного в России раннего Нового времени художественного стиля – барокко. Выговские старообрядцы осваивают силлабическое стихотворство [Понырко, 1974], развивают жанр панегирика [Юхименко, 2002, с. 358–407], стилистически модифицируют агиографию [Маркасова, 1999], под влиянием новых теорий текста экспериментируют в области жанровой струк-

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–01–00350а.

туры проповеди, занявшей центральное место в литературе старообрядцев [Журавель, 2008а]. Барочному осмыслению подвергаются темы времени, человека, экзотические явления действительности [Журавель, 2008б, 2010]. Однако границы и сущность рецепции барокко в локальной традиции старообрядцев изучены пока еще недостаточно.

Немало дискуссионных проблем остается до сих пор и в изучении русского барокко, разновидностью которого является выговское барокко. Исследователи признают ограниченное восприятие на русской почве ключевых барочных концептов, таких как идеи бренности земного бытия («vanitas») и всепобеждающей смерти («memento mori») [Панченко, 1973, с. 202–203; Черная, 2007, с. 73], отмечают отсутствие установки на многозначность художественного текста и даже пишут о редуцированном, усеченном характере русского барокко, воспринявшего только внешние элементы стиля [Живов, 2007, с. 11–31]. Сложный процесс объединения двух видов художественного опыта – многовековой отечественной традиции и опыта западноевропейской книжности [Ромодановская, 2009] – имел место и в выговской письменности.

Роль основных трансляторов барочных идей в литературной культуре Выга сыграли риторика конца XVII – начала XVIII вв., кодифицированные в виде трактатов или учебников: ученых греков Софрония Лихуда и Козьмы Афоноверского, барочного поэта и философа Андрея (Яна) Белобочко, труд по гомилетике известного украинского проповедника Иоанникия Галатовского «Ключ разумения». Знали старообрядцы и Риторику Феофана Прокоповича, и ряд других современных им теоретических сочинений [Понырко, 1981]. Под влиянием риторик происходили существенные изменения в жанровой системе, в самом художественном методе старообрядческой литературы. На основе заимствованных риторик выговские книжники создают в 1720-х – начале 30-х гг. собственный труд – фундаментальную Риторику-свод, а в последней четверти XVIII в. – учебную Поморскую риторику [Понырко, 1981; Журавель, 2008а].

Цель настоящей статьи – обратить внимание на своеобразную рецепцию в литературной культуре Выга одного из основополагающих принципов поэтики европейского барокко – «остроумия» (acumen). Теория остроумия, впервые сформулированная в трактате М. Сарбевского «De acuto et aeguto» в начале XVII века, постулировала сопряжение далеких на первый взгляд вещей и представлений, ложившееся в основу метафорических конструкций, эмблем, других популярных в барокко символично-аллегорических построений [Морозов, Софронова, 1979; Лахман, 2001, с. 86–115; Сазонова, 2006, с. 174–180]. Учение об остроумии нашло отражение в украинских и русских риториках XVII–XVIII вв., широко проникло в русскую поэтическую практику, от Симеона Полоцкого до Ломоносова.

Однако исследователи отмечали, что в творчестве таких барочных поэтов, как Сильвестр Медведев, Евфимий Чудовский остроумие имеет ограниченные пределы и затрагивает, главным образом, уровень словесных фигур [Сазонова, 2006, с. 178]. Концепция остроумия Ломоносова вызвала критику со стороны Сумарокова, воспринимавшего ее с рационалистических позиций. «Острый разум состоит в проницании...», – писал он в своих возражениях на «остроумную» метафорику Ломоносова [Лахман, 2001, с. 142–143]. Тем самым Сумароков, по сути дела, возвращал поэтологическому термину исконный лексический смысл, отказываясь от условности, привнесенной в него теоретическими трактатами барокко.

Разные семантические аспекты понятия «остроумие» в русской лексикографической традиции XVII–XVIII вв. затронул С.И. Николаев, анализируя известное высказывание Симеона Полоцкого в адрес протопопа Аввакума («Острота, острота телеснаго ума да лихо упрямство! А се не умеет науки!») [Николаев, 2000, с. 71–76]. Так, в Латино-славянском словаре 1650 г. Епифания Славинецкого словами «остроумие» и «разум» переводился латинский термин «ingenium», под ост-

роумием чаще всего понимались врожденные способности, природные свойства ума.

И.И. Срезневский трактует слово «остроумие» как «остроту ума». Автор словаря церковно-славянского языка зафиксировал это слово в списке «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона и в Повести временных лет, где княгиня Ольга названа «остроумной» [Срезневский, 1902, стб. 746].

Возможно, инерция восприятия слова, издавна бытовавшего в древнерусском и старославянском языке, стала причиной того, что барочный термин получал подчас необычную с точки зрения барочных поэтик трактовку.

Выговским старообрядцам хорошо была известна упомянутая уже Риторика Софрония Лихуда. Эта Риторика была написана на греческом языке в 1698 г. с дидактическими целями – для преподавания в Славяно-греко-латинской академии¹. В ее основу было положено сочинение Франческо Скуффи, грекоуниата, преподававшего философию и богословие в венецианской эллинской школе [Лопарев, 1907, с. 147–149]. В Италии учился и сам Софроний Лихуд, а также переведший его сочинение на церковнославянский язык Козьма Грек (Афоноверский), монах Чудова монастыря [Соболевский, 1903, с. 373; Лопарев, 1907, с. 146–198]. Оба, и Софроний, и Козьма, были представителями «грекофильского» лагеря, противостоящего «латинствующим», среди которых наиболее значительной фигурой был Симеон Полоцкий. Италия, таким образом, стала одним из источников трансплантации барочной словесной культуры в среду московских традиционалистов, а затем и выговских староверов.

На Выге Риторику Софрония переписывали [Понырко, 1981, с. 155], многие ее части вошли в старообрядческую Риторику-свод. Слово «остроумие» появляется уже в предисловии книги Софрония. Утверждая мысль о необходимости обучения риторике, автор пишет:

«Возрасте неких во уме мудрование, негли зѣло несправедно и защищено быше великим непокорением от человек не простых, но мудрых, яко вся риторика лутче от сил естества и *остроумия* (здесь и далее курсив мой – О.Ж.) воскипает, неже содержится нѣкими правилами художественными, обаче поистинне подобает нам рещи, яко благополучие *изящнаго ума и остроумия* много может в прочих искусствах, в риторичѣ же более и изрядне, егда частым обучением утвержено есть...»².

В предисловии к Риторике-своду этот текст воспроизводится буквально, но составители редактируют его:

«Мысль (негли не праведна зѣло) родися и ввозрасте нѣких во умѣ и защити-ся от человек не невѣжей, но мудрых, яко риторика вся от сил паче востекает естественных и от *благоключимства разума*, нежели содержится от нѣкогого сказания художественнаго, обаче подобает рещи, яко изобилие *преимущественнаго разума и остроумия* много может во иных искусствах, в риторичѣ же излишше изряднѣе, егда частым поучением укрѣплено есть»³.

Как видим, слову «остроумие» в Риторике Софрония в начале цитаты соответствует «благоключимство разума» Риторике-свода. Под остроумием понимается в этих сочинениях естественное свойство ума. Оно необходимо для овладения риторическим умением, но все же недостаточно без специального обучения «правилам художественным». Предупреждается и о последствиях упования только лишь на природный ум: «сие остроумие ... кромѣ украшения художественнаго

¹ Сохранилась парадная рукопись русского перевода: ГИМ, собрание Уварова, № 98.

² РНБ, собрание Погодина, № 1659, 1-я четверть XVIII в., выговский писец Димитрий Ерофеев. Л. 1.

³ БАН, собрание Дружинина, № 122. Л. 4.

и учения падает во многия прегрѣшения»¹. Искуснейшими и остроумнейшими людьми названы далее Аристотель, Демосфен, Теофраст.

Специальный раздел об остроумии находится в первых частях Риторики Софрония и Риторики-свода, в «Изобретении» (русский аналог *inventio*). Остроумие объявляется важнейшим условием первого уровня риторики: «Изобретение первья сущи часть, неудобнейшая есть прочих частей и требует *остроумия*, быстрого парному орлу подобнаго, яко скоро-скоро облетев, всюду обрящет доводы разумѣния и показания на украшение слова и препреение слышателя к своей воли»². Главка «Остроумие или изящность естества» представляет остроумие в качестве одного из десяти «внешних мест» инвенции при сочинении проповеди, называя его «избранной питательницей» риторики. Учение, не использующее этот источник, сравнивается с мечом, который «во влагалище сокрыт, его острота заржавеет и притупится»³.

Когда же мы знакомимся с содержанием данной главки, то оказывается, что под остроумием понимается умение пользоваться логическими понятиями: «существо, количество, качество, еже к чему, еже творити, еже страдати, еже где, еже когда, еже лежати, и еже имети»⁴. Данный список является ничем иным, как аналогом аристотелевских категорий: «сущность, количество, качество, отношение, действие, страдание, место, время, состояние, обладание» [Лебедев, 1983, с. 36]. Предписания рассматриваемых нами риторик касались в основном проповедей. Любое явление, служащее предметом проповеди («Бог, ангели, небо и стихия, человек, животное или бездушная, или добродѣтели и злобы, или художны, яко корабли, дома, часы и прочее»⁵), должно быть рассмотрено с использованием этих категорий. Представляется, что логический анализ явления весьма далек от причудливого барочного метафоризма, выражающего в европейских риториках принцип остроумия, однако, по мысли авторов данных сочинений, только так можно создать искусную проповедь: «О сих явно есть, яко же един род жижи от нѣкоего искуснаго повара бывает различен, сиче разделеная вещь или подлежащее, от ритора же различная истязания предивно благоплодствуется и сияет...»⁶. Отметим, что в приведенном здесь пояснении барочный принцип остроумия в классическом его понимании как раз выражен: мастерство проповеди сравнивается с кулинарным искусством.

Приводятся в рассматриваемых нами риториках и структурные модели проповедей. В их построении участвуют и вопросы, производные от аристотелевских категорий (предикатов и акциденций): «Аще есть или аще бе, или аще может быти», «Что есть», «От чего есть», «Чесо ради есть», «Колико есть», «Яково есть», «Когда есть», «Где есть», «Како есть», «С ким есть». Сочинениям, составленным в соответствии с данным алгоритмом, в Риторике Яна (Андрея) Белобоцкого (называемой в литературе иногда Риторикой Раймунда Люллия) [Горфункель, 1992], весьма популярной на Выге, уделялось особое место в жанровой типологии проповедей. Проповедь, структура которой определялась этими десятью вопросами, считалась сочиненной по «2-й философской форме»⁷.

¹ Там же.

² БАН, собрание Дружинина, № 122, л. 19.

³ РНБ, собрание Погодина, № 1659, л. 35–35 об.; БАН, собрание Дружинина, № 122, л. 117.

⁴ РНБ, собрание Погодина, № 1659, л. 38; БАН, собрание Дружинина, № 122, л. 117 об.

⁵ БАН, собрание Дружинина, № 122, л. 117 об.

⁶ РНБ, собрание Погодина, № 1659, л. 39.

⁷ РГБ, собрание Егорова, № 958, первая четверть XVIII в., л. 306–313.

Риторика того времени предлагали множество разных форм проповедей. По словам Белобоцкого, «единою всем поучением положить форму неудобь есть, понеже убо формы

В Риторике Софрония приведен образец такой проповеди – Слово о соловье¹. Это сочинение включено и в Риторику-свод, демонстрируя аналитический способ распространения проповеди: «Покажу сие, наприклад, сие: аще бы кто взыскал Слово о славии птице, а помыслил бы, негли сие слово уское поле имать, о еже глаголати, раздели же е и обрящеши изобилно, многоплодно и пространно»².

Риторика-свод дополняет этот пример еще одним: им является Слово о покаянии талантливой выговского писателя Андрея Денисова [Дружинин, 1912, с. 113, № 102]³. В Риторике-своде это сочинение приведено полностью, с обозначением всех риторических частей, коими, помимо предисловия, предложения и окончания, являются части, обозначенные вопросами. Сочинение начинается с яркой, хотя достаточно традиционной распространенной метафоры: «Якоже по мрачнѣй и темнѣй нощи сладкий дневный свѣт возсия, и бури снѣжнѣй зимнѣй благоуханная тишина бываючи, многое утѣшение животным, многую сладость в мори плавающим подавают, тако по мрачнѣм беззаконии и по обуревании страстнѣм, егда свѣт страха Божия в душах возсияет, егда тишина покаяния возблагухает, тогда благодатная весна возблистает и цвѣтцы добродѣтельныя в таковых возсияют»⁴. Метафоры, основанные на противопоставлении тьмы свету, ночи дню, зимы лету и весне, применялись издавна в древнерусской литературе к теме веры и неверия, греха и праведности [Адрианова-Перетц, 1947, с. 35–45]. Однако даже этот троп содержится за пределами основной части Слова, построенной по принципу «остроумия», то есть в соответствии с логическими вопросами.

Другие метафоры из этого Слова не более оригинальны, хотя и не лишены эстетической значимости: «предивно есть покаяние, яко свѣт омраченнаго нощию грѣха, просвѣщает, яко солнце, оснѣжившагося беззаконием согрѣшает, яко миро благоуханное осмрадѣвшаго калом грѣха облагухает, яко мыло перущих от черноты грѣховныя убѣляет, по писанному: «Омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся»⁵ (Пс 50: 9). Автор, как видим, обыгрывает хорошо известные библейские образы, предлагая новые варианты прочтения символа (очищение от греха как отмывание мылом), однако «остроумие», в соответствии с предписанием риторики, лежит за пределами этих метафор и распространяется на умение логично рассмотреть предмет проповеди.

В 1760-е годы на основе Риторики-свода был составлен новый, более упрощенный и приспособленный для дидактических нужд учебник, Поморская риторика. Слово о соловье там заменено Словом об ангелах [Дружинин, 1912, с. 139–140, № 11]⁶ («Приклад десяти истязаний о аггелех»⁷). Сочинение достаточно бед-

емлются от правил разных мудростей, а проповедники слова Божия неравно во всех мудростех искусни суть... того ради по разности разумов человеческих и формы разная умножишася» (РГБ, собрание Егорова, № 958, л. 127). Автор мог выбирать ту или иную форму в зависимости от конкретной ситуации: «по пременению времени, частию по нужде и требованию самех вещей, частию по разности наук свободных, в которых проповеднику слова Божия искусну быти подобает» (РГБ, собрание Егорова, № 958, л. 127 об.)

¹ РНБ, собрание Погодина, № 1659, л. 39–40 об.

² БАН, собрание Дружинина, № 122, л. 118 об.

³ Опубликовано: [Юхименко, 2008, с. 362–365]. Далее цитируем Слово о покаянии по более исправному списку в Риторике-своде.

⁴ БАН, собрание Дружинина, № 122, л. 120.

⁵ Там же, л. 121.

⁶ В.Г. Дружининым на основе списка БАН, собрание Дружинина, № 9 приписано Семену Денисову, хотя Слово вошло в Антологию сочинений Андрея Денисова и вопрос об авторстве не может считаться окончательно решенным.

⁷ РНБ. Q.XV.101, л. 151–156.

но в плане использования тропов и ближе всего по стилю к статьям катехизисов. Барочный след в этой поздней Риторике несколько уменьшен. Раздел, кратко толкующий, что есть остроумие, куда собственно и вошло Слово об ангелах, не исключен: «Остроумие есть изящность естества ума в вещех, сия убо ко различному наказанию и учению прилежат, понеже кроме остроути разума никое бы учение было, и яко мечь во влагилищи сокрыт, его же острота заржавит и притупится, вещи же, яже случаются во истязание, от них же могут быти десять, яже суть: Аще есть, или аще бе, или аще может быть...»¹. Однако сокращению подверглось предисловие с метафорой остроумия: «Изобретение первыя сущи часть, которая ~~неудобнейшая есть прочих частей и требует остроумия, быстроспарному орлу подобнаго, яко скоро-скоро облетев, всюду обрящет доводы разумения и показания на украшение слова и препреение слышателя к своей воли. ИЗОБРЕТЕНИЕ~~ бывает сугубо»². Из перечня «мест внешних» исчезают те источники, которые входили в барочную систему жанров: «приуподобления или притчи», «иероглифическая», а также «остроумие или изящность естества».

Таким образом, выговская риторическая традиция в использовании барочного термина «остроумие» следует языковой традиции, которая не расходится с этимологией слова. Острота ума однако определяется здесь умением логично излагать мысли, строить проповедническое слово в соответствии с вопросами, производными от философских категорий, описанных еще Аристотелем и вошедших во многие риторические кодексы. Приведенный материал не противоречит наблюдениям исследователей о рационализме как черте, присущей, наряду с мистицизмом и иррациональностью, барочному мироощущению [Еремин, 1979, с. 189] и свидетельствует о принадлежности барочной культуры старообрядцев к тому направлению русского барокко, «грекофильствующие» представители которого занимали традиционалистские позиции.

Литература

- Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Л., 1947.
- Горфункель А.Х. Белобоцкий Ян // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 1: А–З. СПб., 1992. С. 128–131.
- Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.
- Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912.
- Еремин И.П. К истории восточнославянского барокко (Из лекций по украинской литературе XVII–XVIII вв.) // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 187–199.
- Живов В. К типологии барокко в русской литературе XVII–начала XVIII в. // Человек в культуре русского барокко: Сборник статей по материалам международной конференции. ИФ РАН. Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М., 2007. С. 11–36.
- Журавель О.Д. Выговские риторики и проблема жанровой типологии старообрядческой проповеди // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008а. С. 54–87.
- Журавель О.Д. О барочных тенденциях в старообрядческой книжности первой трети XVIII века // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2008б.
- Журавель О.Д. К изучению поэтического стиля Андрея Денисова: «Послание с Москвы во общебратство» о встрече в Москве персидского слона // Традиции

¹ РНБ. Q.XV.101. Л. 150 об.–151.

² Нами зачеркнут текст, соответствующий данному фрагменту в Риторике-своде.

отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 95–118.

Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятия поэтического. СПб., 2001.

Лебедев А.В. Аристотель // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Лопарев Хр. «Риторика» Космы Грека 1710 года и «примеры» из нея по русской истории // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. СПб., 1907. Т. 12, кн. 4. С. 146–198.

Маркасова Е.В. Предисловие к Житию Корнилия Выговского и традиция создания предисловий в агиографии XVII – начала XVIII в. // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 243–252.

Морозов А.А., Софронова Л.А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. М., 1979. С. 13–38.

Николаев С.И. Что такое «острота телесного ума» протопопа Аввакума? // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 71–76.

Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

Понырко Н.В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 274–290.

Понырко Н.В. Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

Понырко Н.В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154–162.

Понырко Н.В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII в. СПб., 1994.

Ромодановская Е.К. Римские Деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: Исследование и издание текстов. М., 2009.

Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Л–П. СПб., 1902. Т. 2.

Черная Л.А. Особенности барокко как мироощущения в России XVII – начала XVIII столетия // Человек в культуре русского барокко. Сборник статей по материалам международной конференции. ИФ РАН. Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М., 2007.

Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: В 2 т. М., 2002.

Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. М., 2008.